

ИЗЪ ЖИЗНИ СЛОВЪ.

(Семасиологическія судьбы термина sacramentum) ¹⁾.

II.

Въ христіанской латинской литературѣ терминъ sacramentum встрѣчается съ самыхъ раннихъ цорь. Уже Тертуллианъ, одинъ изъ первыхъ латинскихъ церковныхъ писателей, употребляетъ его неоднократно. Трактую, напримѣръ, о таинствѣ крещенія, онъ, наряду съ любимымъ его названіемъ lavacrum (=баня паки бытія), употребляетъ такое описательное выраженіе: felix sacramentum aquae nostrae ²⁾. Въ трактатѣ De corona (с. III) онъ упоминаетъ о sacramentum eucharistiae,—таинствѣ причащенія, которое слѣдующій за Тертуллианомъ латинскій церковный писатель, Кипріанъ, называетъ sacramentum calicis ³⁾. Встрѣчаются у тѣхъ же писателей выраженія: sacramentum coeleste, sacramentum spiritus ⁴⁾. Такимъ образомъ, уже у первыхъ латинскихъ церковныхъ писателей слово sacramentum было общимъ названіемъ для различныхъ церковныхъ таинствъ.

Далѣе, мы имѣемъ въ древне-христіанской латинской литературѣ случаи употребленія термина sacramentum въ приложеніи къ разнаго рода res arganae въ области религіи. Такъ Тертуллианъ говоритъ о тайнѣ домостроительства (oeconomiae sacramentum) ⁵⁾, Кипріанъ—о тайнѣ Христовой жертвы (sacri-

¹⁾ Окончаніе. См. *Бог. Вѣстн.* Февраль 298—311 стр. Тамъ необходимо, между прочимъ, исправить ошлбку: вм. Darmester вездѣ слѣдуетъ читать—Darmesteter.

²⁾ De bapt. с. XI.

³⁾ Ep. 63 ad Caccil. de lapsis.

⁴⁾ Tert., De praescr. с. XXV.

⁵⁾ Adver. Prax. 2: Nihilominus custodiatur oeconomiae sacramentum, quae unitatem in trinitatem disponit.

ficii dominici sacramentum) ¹⁾, а Пруденцій называетъ словомъ sacramentum слово Божіе, таинственное ученіе евангельское ²⁾. Область примѣненія термина sacramentum почти совпадала съ областью примѣненія греческаго слова *μυστήριον*. По крайней мѣрѣ древніе латинскіе интерпретаторы св. Писанія передавали этимъ терминомъ греческое *μυστήριον* почти всякій разъ, какъ оно попадалось въ священномъ текстѣ ³⁾. Въ текстѣ Вульгаты замѣчается нѣкоторое колебаніе въ передачѣ слова *μυστήριον*. Въ однихъ случаяхъ оно просто транскрибируется латинскими буквами, подобно такимъ словамъ, какъ *euangelium*, *baptismum*, *ecclesia*, въ другихъ переводится словомъ *sacramentum* (напр. Eph. 3, 9; 8, 32; 1 Tim. 2, 16; Аpos. 17, 7). Иногда оба термина *mysterium* и *sacramentum* встрѣчаются почти рядомъ (напр. Eph. 3, 4, 4; Col. 1, 26, 27).

Въ цитованныхъ мѣстахъ изъ Вульгаты терминъ *sacramentum* почти всегда выступаетъ въ сопровожденіи такихъ словъ, какъ *revelatio*, *illustratio*, *manifestare*, *illuminare*, ясно указывающихъ, что съ терминомъ *sacramentum* соединяется представленіе о чемъ то сокровенномъ, таинственномъ, которое потомъ открывается, освѣщается.

Употребленіе *sacramentum* въ смыслѣ вообще *res arcana et secreta* особенно рельефно выступаетъ въ переводѣ (въ Вульгатѣ) одного мѣста изъ книги пр. Даниила (2, 47): *Tunc rex Nabuchodonosor... ait Danieli: vere Deus vester Deus deorum est et Dominus regum et revelans mysteria; quoniam tu potuisti aperire hoc sacramentum*. Здѣсь рядомъ стоятъ, какъ равносильныя по смыслу выраженія: *revelare mysteria* и *aperire sacramentum*. Изъ этого равенства двухъ выраженій, въ которыхъ сверхъ того два элемента: *revelare* и *aperire*, оказываются тождественными по смыслу, заключаемъ о семасіологическомъ равенствѣ остальныхъ двухъ элементовъ: *mysteria* и *sacramentum*.

Подобнымъ образомъ и у Тертуллиана встрѣчается (въ *De praeser.* 26) такая фразѣ: *Dominus palam edixit sine ulla significatione alicujus tecti sacramenti*. Тутъ выраженіе *palam edixit*

1) Ep. 60: In sacerdote Melchisedech sacrificii Domini sacramentum praefiguratum videmus.

2) Prud. 10 *περί στέφ* 18: Nolite verba, cum sacramentum meum erit canendum, providenter quaerere.

3) См. отдѣлъ *De sacramentis* въ *Institutiones catecheticae*, Conradi Dieterici. Francoforti ad Moenum 1743, p. 481 sq.

(открыто сказалъ) играетъ роль рѣзкаго противоположенія, контраста по отношенію къ *significatio tecti sacramenti*.

Наконецъ, не лишне упомянуть о томъ, что у церковныхъ писателей таинство причащенія иногда обозначается терминомъ *sacramentum* безъ всякаго другого опредѣляющаго слова или эпитета (Cassiod. 5. Hist. Eccl. 31) ¹⁾. Очевидно, что въ этомъ случаѣ оно разсматривается какъ *μυστήριον κατ' ἔξοχην* по своей глубокой таинственности. И если при этомъ употреблено было слово *sacramentum*, то ясно, что съ этимъ терминомъ крѣпко былъ связанъ смыслъ тайны, таинства, и онъ игралъ роль эквивалента греческаго термина *μυστήριον*.

Но равносильно ли слово *sacramentum*, по своему этимологическому смыслу и по его классическому употребленію, греческому термину *μυστήριον*? Оказывается, что далеко нѣтъ, и рядъ справокъ изъ языческихъ латинскихъ писателей рисуетъ намъ совершенно иную семасіологическую фізіономію разсматриваемаго термина.

III.

Переходя къ изученію семасіологическихъ перипетій, бывшихъ съ терминомъ *sacramentum* въ его дохристианскомъ употребленіи, мы возьмемъ его сначала въ отвлеченіи отъ синтаксическихъ связей, изолированно отъ контекста, въ которомъ онъ употреблялся, и посмотримъ, что даетъ для семасіологии самая этимологія этого слова.

Анализируя этимологически разсматриваемый терминъ, мы замѣчаемъ въ немъ слѣдующіе составные элементы,—корневую часть—*sacra*, и суффиксальное образованіе—*mentum*. Для семасіологическихъ выводовъ здѣсь имѣетъ большое значеніе какъ корень, такъ и суффиксальный элементъ.

По своему суффиксу *sacramentum* принадлежитъ къ той семасіологической категоріи, въ которую входятъ слова, обозначающія обычно средство или орудіе, черезъ которое какое либо дѣйствіе или актъ получаетъ свое осуществленіе, реализацію (то, что служитъ къ чему-либу; то, чѣмъ что-либо дѣлается). Вообще говоря, окончаніе *mentum* является характеристическимъ признакомъ словъ со значеніемъ *causa instru-*

¹⁾ Ср. употребленіе во франц. языкѣ выраженія „le saint sacrement“ въ смыслѣ „причастія“.

mentalis, которое въ живой рѣчи, вслѣдствіе стремленія къ сокращеннымъ оборотамъ, брахіологическимъ выраженіемъ, скоро превращается въ значеніе *causa efficiens* (*id, per quod = id, quod*) ¹⁾.

Изучая семасіологию словъ, имѣющихъ окончаніе—*mentum*, мы замѣчаемъ, что если суффиксъ *mentum* даетъ намекъ на то, что данное слово, прежде всего и ближайшимъ образомъ, обозначаетъ орудіе или средство для какого либо дѣйствія, то указаніе на характеръ и свойства этого самого дѣйствія, обыкновенно дается въ корневой части слова. Такъ, *alimentum* означаетъ средство для питанія (*alimentum* отъ *alere*), или просто *id, quod alit* т. е. пища; *medicamentum*—орудіе лѣченія (*medicamentum* отъ *medico*), т. е. лѣкарство; *tomenta* (отъ *foveo* согрѣвать) означаетъ припарки, и т. д.

По аналогіи съ этими словами мы можемъ заключать, что и терминомъ *sacramentum* означается орудіе или средство для того акта, на который намекаетъ корневая часть этого слова, т. е. *sacra*-. Перенесемъ теперь свое вниманіе на эту послѣднюю.

По своей корневой части терминъ *sacramentum* входитъ въ общую семью такихъ словъ, какъ *sacer, sacro, sacratio, consecratio, execratio, sacerdos* и т. д. Въ основѣ всѣхъ этихъ словъ лежитъ общее понятіе о *sacratio*. Отсюда, терминъ *sacramentum* долженъ обозначать орудіе или средство, при помощи котораго совершается актъ, именуемый *sacratio*. Но что такое разумѣлось у римлянъ подъ именемъ *sacratio* и, вообще, какой смыслъ соединяли они со словомъ *sacer*, которое стоитъ во главѣ довольно значительной фамиліи словъ (см. *Dictionnaire étymologique latin par Michel Bréal et Anotole Bailly. Paris 1885, p. 316*)?

Смыслъ слова *sacer* или *sacrum* сами римляне опредѣляли чрезъ подстановку такихъ выраженій, какъ *destinatum* ²⁾ или же *dedicatum di(i)s* ³⁾,—опредѣленное, посвященное богамъ. Въ связи съ этимъ и слово *sacratio* можетъ быть опредѣляемо чрезъ *destinatio* или *dedicatio*,—посвященіе.

1) Ср. А. Грушка, Изъ области семасіологии (Филологическое обозрѣніе г. XI (1896 г.) кн. 1-я, стр. 33 слѣд.).

2) *Macrob. saturn. 3, 7; quidquid destinatum est dis, sacrum vocatur.*

3) *Ael. Gall. ap. Fest. p. 318, 20: sacrum, quod dis dedicatum atque consecratum sit.*

Слово *dedicatio* имѣло у римлянъ спеціальнѣйшій, техническѣйшій смыслъ. Имъ обозначался актъ религіознаго характера, оставленный извѣстными обрядами, сопровождавшійся произнесениемъ извѣстныхъ формулъ и совершавшійся въ присутствіи начальствующихъ лицъ, магистратовъ. Суть этого акта, окруженнаго такой церемоніальностью, заключалась въ перенесеніи вещи или лица изъ *jus humanum* въ область „божественнаго права“ (*jus divinum*), въ изъятіи ихъ изъ обычныхъ человѣческихъ отношеній. Они переходили на положеніе *res sacra*, вещи, отданной въ полное распоряженіе боговъ. У грековъ аналогичное этому обозначалось терминомъ *ἀνάθεμα*, у современныхъ дикарей—табу. Такая передача въ распоряженіе боговъ могла имѣть благодѣтельное значеніе, поскольку боги мыслились, какъ защитники и покровители, но также и значеніе роковое, разъ боги являлись въ качествѣ мстителей. Отсюда и терминъ *dedicatio* и синонимичное съ нимъ *sacratio*, *consecratio*, являлись двухсторонними, обоюдными по смыслу. Подобно словамъ *fortuna* и *fatum*, они имѣли то значеніе *res bona*, то смыслъ *res mala*. Послѣдній смыслъ обычно преобладалъ.

Возвращаясь къ этимологическому значенію термина *sacramentum*, мы можемъ, на основаніи только что сказаннаго, опредѣлить это значеніе слѣдующимъ образомъ: *sacramentum* обозначаетъ орудіе, при посредствѣ котораго совершается преданіе въ руки боговъ. Какъ видимъ, это значеніе, извлеченное изъ этимологіи слова, страдаетъ еще большой неопредѣленностью: оно не даетъ конкретнаго, нагляднаго представленія о самомъ орудіи или средствѣ сакраціи. Мы только можемъ констатировать связь его съ кругомъ религіозныхъ обрядовъ и церемоній, ибо, по своей этимологіи, терминъ *sacramentum* объединяется въ одну категорію съ такими словами, какъ *sacerdos*, *sacerdotium*, *sacrilegium*, *sacrificium* и т. д. Вся эта семья родственныхъ по корню съ даннымъ терминомъ словъ, начиная отъ *sacer* и кончая *sagmen*, запечатлѣна религіознымъ характеромъ ¹⁾.

Но вотъ вопросъ: составленъ ли былъ этотъ терминъ *ad intra*,—для эсotericескихъ элементовъ религіи и культа римлянъ, или же—*ad extra*,—для религіозныхъ элементовъ, вы-

1) Dictionnaire étymologique latin par Michel Breal, p. 316.

носимыхъ въ широкую область государственныхъ и общественныхъ установленій? Изученіе слова *sacramentum* въ его контекстуальной связи съ другими словами и выраженіями, покажетъ намъ, что терминъ былъ образованъ *ad extra*. Въ сохранившихся до насъ языческихъ памятникахъ латинской письменности нигдѣ не засвидѣтельствовано употребленіе термина *sacramentum* спеціально и исключительно въ сферѣ религіозной. Напротивъ, этотъ терминъ исторически выступаетъ почти одновременно въ двухъ областяхъ, далеко не однородныхъ съ религіозной. Какова же была конкретная обстановка, среда въ которой вращалось слово *sacramentum*?

IV.

Начнемъ нѣсколько *ex abrupto*. У Цезаря въ его „Запискахъ о Галльской войнѣ“ мы читаемъ, между прочимъ, слѣдующее: „Цезарь, по многимъ причинамъ ожидая большаго движенія (*majo rem motum*) Галліи, предписалъ произвести черезъ легатовъ... наборъ (*per legatos delectum habere instituit*); и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ проситъ отъ Г. Помпея проконсула..., чтобы тотъ велѣлъ собираться подъ знамена (*ad signa convenire*) и идти къ нему тѣмъ воинамъ, которыхъ онъ изъ цизальпинской Галліи *consulis sacramento rogasset*“ (*Commentarii de bello G. VI, 1*).

Какъ видимъ, здѣсь сфера употребленія термина *sacramentum* всецѣло военная, всѣ окружающіе термины запечатлѣны военнымъ колоритомъ и въ послѣдней фразѣ, которую мы привели въ подлинникѣ, содержится указаніе на спеціально военную институцію, которая, какъ можно заключать изъ сопоставленія съ другими мѣстами и свидѣтельствами разныхъ писателей римскихъ, сводилась къ слѣдующему. При наборѣ солдатъ (*delectus militum*) обыкновенно происходила торжественная церемонія присяги рекрутовъ. Одинъ изъ воиновъ вновь набираемаго легіона прочитывалъ вслухъ формулу клятвы въ вѣрности начальнику арміи,—консулу, а затѣмъ прочихъ новобранцевъ спрашивали (*rogasset*), клянутся ли они въ томъ же. И тѣ по одиночкѣ (*singuli*) клялись ¹⁾.

¹⁾ *Serv. Aen. VIII, 1: apud majores nostros tria erant militiae genera in bellis gerendis, nam aut legitima erat militia, aut conjuratio, aut evocatio. Legitima erat militia eorum qui singili jurabant pro re publica se esse fac-*

Въ этой военной церемоніи терминомъ *sacramentum* назывались традиціонныя, торжественныя слова клятвы (*verba sollemnia*),—клятвенная формула (*verba certa, concepta*), которая содержала въ своей заключительной части элементъ *sакраціи*. Правда, формула военной клятвы римскихъ солдатъ не дошла до насъ въ полномъ видѣ, однако присутствіе въ ней указаннаго элемента подтверждается довольно твердыми косвенными данными. Прежде всего обращаетъ на себя вниманіе тотъ фактъ, что войско, только что принесшее присягу, называется у римскихъ писателей *sollemne et sacrata militia* (Liv. VIII, 34, 10). Первый эпитетъ намекаетъ на *sollemnia verba*, а второе указываетъ на присутствіе въ нихъ элемента *сакраціи*.

Далѣе, хотя мы и не знаемъ точныхъ словъ военной клятвы, читавшейся предъ всей арміей, однако до насъ дошла коротенькая формула, произносимая каждымъ легионеромъ, послѣ чтенія общей формулы клятвы. Она состояла всего изъ трехъ словъ: *idem in me* (Fest. p. 224).

Смыслъ этой отрывочной и самой по себѣ очень неопредѣленной фразы будетъ для насъ понятенъ, если мы сопоставимъ ее съ однимъ мѣстомъ изъ Панегрика Плинія Младшаго имп. Траяну, гдѣ данъ образчикъ клятвы, заключавшей въ себѣ *sacratio*. Тамъ сказано: „*Ille juravit... explanavitque verba quibus caput suum, domum suam, si sciens fefellisset, deorum irae consecraret* (Paneg. 68). Анализируя этотъ образецъ сакральной клятвы, мы находимъ здѣсь слѣдующія характерныя особенности: во 1-хъ, условное построеніе клятвенной формулы (*si fefellisset*), и въ связи съ этимъ, во 2-хъ, преданіе себя, призываніе на себя (*caput suum*) и на домъ свой (*domum*

*tuos nec discedebant nisi completis stipendiis i. e. militiae temporibus et sacramentum vocabatur.—Fest, p. 224: praejuraciones facere dicuntur hi, qui ante alios conceptis verbis jurant: post quos in eadem verba jurantes tantum modo dicunt: idem in me.—Liv. II, 45, 14: idem deinceps omnis exercitus in se quisque jurat.—Tac. Hist. IV, 59: nec illi (Classico)... verba ultra suppeditavere, quam ut sacramentum recitaret: juravere qui aderant pro imperio Galliarum. См. Pauly-Wissowa, Real-Encyclopädie, 4-te С. Art: dilectus. У Тацита, между прочимъ, рисуется такая сцена присяги (Hist. I, 55): „Легионы Нижней Германіи были приведены къ присягѣ Гальбѣ (*sacramento pro Galba adactae*)... Присяга давалась неохотно и слышны были лишь немногіе голоса центурионовъ первыхъ рядовъ; остальные почти совершенно молчали, всякій, ожидая, когда начнетъ другой“.*

спам) гнѣва боговъ (iraе deorum), въ случаѣ нарушенія клятвы. Это была одновременно и клятва и проклятіе.

Обращаясь теперь къ упомянутой отрывочной формулѣ военной клятвы, мы изъ самаго строя ея заключаемъ, что въ полномъ своемъ видѣ она содержала элементъ сакраціи, самообреченія, призванія на себя (in me) гнѣва боговъ въ случаѣ perfidia, и потому самому называлась sacramentum—орудіе сакраціи.

Поскольку sacramentum было обозначеніемъ клятвы, оно сближалось семасіологически съ терминомъ jusjurandum, тоже употреблявшемся въ военномъ быту. Отличіе ихъ ¹⁾ состояло въ томъ, что въ то время какъ jusjurandum носило частный характеръ и была добровольнымъ дѣломъ со стороны солдатъ, sacramentum представляло изъ себя вещь узаконенную (legitima militia) и безусловно обязательную, отчего и говорилось: *adigere* sacramento (Тас. Hist. I, 76, 14; II 55, 3; 79, 3; III, 58, 9. App. I, 37) приводитъ къ присягѣ. Въ противоположность jusjurandum, даваемой солдатами другъ другу, sacramentum являлось публичнымъ выраженіемъ (professio) вѣрности, въ присутствіи начальствующихъ лицъ, торжественной конфирмаціей даваемыхъ обѣщаній.

Но главная differentia specifica дана въ сакраціи, вслѣдствіе которой легитимная военная клятва и называлась sacramentum. Присутствіе sacratio или consecratio дѣлало интенсивнѣе связующую энергію, которая вообще мыслилась во всякомъ jusjurandum, какъ орудіи или средствѣ „связыванія“ вѣрности данному слову ²⁾. Въ свою очередь связующая сила сак-

¹⁾ Оно указано у Liv. 22, 38 (См. Forcellini, Totius latinitatis Lexicon подъ словомъ: sacramentum): tum (именно въ 216-мъ году до Р. X.) quod numquam antea factum erat, juréjurando ab tribunis adacti milites. nam ad eam diem nihil praeter sacramentum fuerat, jussu consulum conventuros neque injussu abituros, et ubi ad decuriandum aut centuriandum convenissent, sua voluntate ipsi inter sese decuriati equites, centuriati pedites conjurabant sese fugae aut formidinis ergo non abituros neque ex ordine recessuros nisi tali sumendi aut petendi aut hostis ferendi aut civis servandi causa. Id ex voluntario inter ipsos foedere aut tribunos ac legitimam jurisjurandi adactionem translatum. Здѣсь предъ нами очерчивается историческій генезисъ sacramentum, какъ пзвѣстной военной институціи. Первоначально простая и добровольная клятва солдатъ была послѣдствіемъ оформлена въ законообязательную (legitima jurisjurandi adactio).

²⁾ Cic. de offic. 3, 31, 111: nullum vinculum ad astringendam fidem jureju-

раціи зависѣла отъ условнаго призванія въ ней *ira deorum*,—гнѣва боговъ, что естественно внушало страхъ (*metus deorum*) и побуждало къ храненію клятвы ¹⁾. Отсюда и *sacramentum* рисуется предъ нами какъ средство, обладавшее наиболѣе интенсивной связующей энергіей, орудіе, которымъ *devincitur fides*. Вполнѣ понятно, поэтому, постоянное сочетаніе термина *sacramentum* съ глаголами *obstringere* (Curt. 7, 1, 29; Just. 1, 9, Sil. 10, 448), *obligare* (Cic. offic. 1, 11),—связывать, обязывать, и *solvere* (Tac. Ann. 16, 13) -- развязывать, *exuere* (Tac. Hist. 1, 55, 15; III, 42, 9)—скидать, *rumperе* (Tac. Hist. I, 12, 3, Liv. 28, 27)—рвать. Всѣ эти глаголы въ другихъ мѣстахъ обыкновенно сочетаются съ такими словами, какъ *vincula* (оковы), *jugum* (ярмо), *nodum* (узелъ), *catenae* (цѣпи),—все такіе термины, которые вызываютъ представленіе о связываніи. Встрѣчающійся у Ливія оборотъ: *religio sacramenti* (*religionem sacramenti rumperе*, Liv. 28, 27) рельефно выдвигаетъ впередъ это, скрытое въ содержаніи *sacramentum*, представленіе о связующей энергіи. Это было *affirmatio religiosa* по преимуществу.

Какъ мы уже говорили, центръ связующей энергіи военной клятвы (*sacramentum*) находился первоначально въ *metus deorum*. Съ теченіемъ времени, когда среди римлянъ началъ слабѣть *timor deorum* и они стали относиться скептически къ угрозамъ религіознаго характера, то ихъ трудно уже было устрашить призваніемъ *ira deorum*. Тогда центръ связующей энергіи сталъ перемѣщаться въ сторону этическаго момента вѣрности (*fides*) данному слову и уже Цицеронъ объясняетъ, что *jusjurandum non ad iram deorum, quae nulla est, sed ad justitiam et ad fidem pertinet* (De offic. III, 29). Впрочемъ надо замѣтить, что и этическое понятіе *fides*, благодаря склонности римлянъ къ дивинизаціи отвлеченныхъ понятій, превратилось въ богиню того же имени (*Fides*), ставшую наряду съ такими божествами какъ *Pax*, *Victoria*, *Virtus*, *Concordia* (Juv.

rando majores artius esse voluerunt, Cp. Serv. ad Aen. XII 13: *concepta autem verba dicuntur jurandi formula, quam nobis transgredi non licet*.

¹⁾ Cic. Pro domo 48: *An consecratio nullum habet jus, dedicatio est religiosa... Dedicatio magnum habet religionem*. Термины *jus*, *religio*, *religiosus* въ своемъ первоначальномъ и собственномъ значеніи содержали указаніе на связь, связанность. Cp. еще Cic. Front. 9, 20: *religione jurisjurandi ac metu deorum commoveri*.

sat, 1, 115. 116). Fides была даже индивидуализирована, какъ Fides legionum, exercituum, militum ¹⁾. Какъ существенный признакъ, прежде implicite заключавшійся въ sacramentum, fides теперь выходитъ наружу и поставляется подлѣ термина sacramentum (fides aut memoria prioris sacramenti у Тацита Hist. I, 56, 8), а слово fidus въ примѣненіи къ воинамъ становится равносильнымъ выраженію: qui sacramentum pondum exuerat (Tac. Hist, III, 42, 9).

Особенная интенсивность fides, составлявшей характерную черту военной клятвы, еще болѣе выдвигала послѣднюю изъ ряда обычныхъ jurajuranda, которыя вообще были въ широкомъ употребленіи у римлянъ ²⁾. Sacramentum возвышалось надъ ними, какъ типъ, образецъ твердо хранимой клятвы. И не только у самихъ римлянъ, но и среди окружающихъ народовъ держалась слава объ особенной fides и memoria romani sacramenti ³⁾. Не даромъ у одного историка, именно у Діонисія Галикарнасскаго, мы встрѣчаемъ такое утвержденіе, что военную клятву (ῥοχος ὁ στρατιωτικός) римляне хранятъ лучше, чѣмъ кто-либо (ἀπάντων μάλιστα ἐπέδοβον Ῥωμαῖοι (Dion XI, 43). Указанное обстоятельство, какъ увидимъ далѣе, отразилось на нѣкоторыхъ семасіологическихъ модификаціяхъ разсматриваемаго термина.

Мы уже говорили, что слово sacramentum собственно относилось къ клятвенной формулѣ, произносимой во время церемоніи присяги. Это было на первыхъ порахъ прямое и непосредственное его значеніе, но конечно этотъ терминъ не могъ оставаться долго въ такихъ узкихъ границахъ примѣненія. Произнесеніе клятвенныхъ словъ являлось основнымъ и существеннымъ моментомъ во всей церемоніи при-

¹⁾ Сохранились монеты съ изображеніемъ богини Fides militaris, къ которой римляне прилагали такіе эпитеты, какъ virgo, casta, sancta. На монетахъ она изображается съ военными атрибутами (знамена и орлы легионовъ). См. у Roscher, Ausführliche Lexicon der griechischen und römischen Mythologie. Leipzig. Art: fides.

²⁾ Liv, 40, 14: commune omnium civium jusjurandum. Клятва находила примѣненіе и въ публичномъ и частномъ правѣ римлянъ и въ международныхъ отношеніяхъ. Ею скрѣплялись конвенціи между Римомъ и колоніями, договоры между патриціями и плебеями, и различные международные трактаты. См. Daremberg et Saglio, Dictionnaire des antiquités, подъ словомъ jusjurandum.

³⁾ Эти выраженія встрѣчаются у Тацита (Hist. I, 56, 8 и IV, 77, 18).

сяги. Понятно, что, въ силу ассоціаціи по смежности, терминъ *sacramentum* стали скоро прилагать не только къ клятвенной формулѣ, но и къ самому акту, въ который она входила, какъ неустранимый ингредиентъ. Произошло растяженіе значенія и *sacramentum* стало обозначеніемъ церемоніи присяги, съ момента которой начиналась военная служба (*militia*) и римлянинъ становился настоящимъ *miles*, тогда какъ доселѣ онъ былъ просто *paganus* (штатскій) или же *togatus*¹⁾.

Указанное расширеніе было однако лишь переходнымъ моментомъ, ступенью къ дальнѣйшему семасіологическому движенію термина. Церемонія военной присяги была начальнымъ моментомъ военной службы, но этотъ моментъ былъ вмѣстѣ съ тѣмъ и основнымъ и опредѣляющимъ въ понятіи военной службы. *Sacramentum* полагало грань различія между *miles* и *paganus*, съ прекращеніемъ военной службы прекращалось и дѣйствіе *sacramentum*. Такимъ образомъ, военная служба (*militia*) какъ бы воплощалась въ актѣ военной присяги (*sacramentum*). Неудивительно, что вслѣдствіе этого произошло уравниеніе терминовъ *militia* и *sacramentum* по ихъ смыслу. И мы встрѣчаемъ оборотъ *redemptio sacramenti* въ смыслѣ откупа отъ военной службы (*Liv.* 25, 6), а Ювеналь, говоря въ XVI-й сатирѣ о преимуществахъ военной службы, употребляетъ выраженіе *praemia militiae* и *praemia sacramentorum*, какъ равносильная по значенію (*Sat. XVI*, 1—2. 35—36)²⁾. Такъ совершилось вторичное растяженіе смысла *sacramentum* до значенія военной службы вообще. Данный терминъ, въ своемъ употребленіи внутри военной сферы и въ предѣлахъ военныхъ отношеній, постепенно расширялъ свое значеніе концентрическими кругами.

Перейдемъ теперь изъ круга римской военной жизни и военныхъ церемоній въ область юридическую. И здѣсь мы къ удивленію своему опять встрѣчаемъ слово *sacramentum* и притомъ въ довольно неожиданномъ значеніи, не имѣю-

¹⁾ См. употребленіе у Ювенала терминовъ *paganus* и *togatus* въ ихъ противоположеніи выраженіямъ *armatus* и *illi, quos arma tegunt et balteus ambit.* (*Sat. XVI*, 8. 33. 34. 48).

²⁾ Ср. еще употребленіе *sacramentum* въ смыслѣ военной службы у Тацита (*Hist. I*, 5, 1): *miles urbanus longo caesarum sacramento imbutus...*

щемъ какъ будто рѣшительно никакой связи съ только что указанной семасіологіей этого термина.

V.

Главными формами древнѣйшаго судопроизводства у римлянъ были такъ называемые *legis actiones* въ слѣдующихъ видахъ:

1) Процессъ чрезъ положеніе истцомъ руки на отвѣтчика (*legis actio per manus injectio*), — форма для исковъ о долгахъ.

2) Процессъ чрезъ требованіе судьи или посредника (*legis actio per iudicis arbitrive postulationem*), — форма для исковъ объ обязательствахъ, когда требовались болѣе сложные расчеты между сторонами.

3) Процессъ чрезъ взятіе какой нибудь вещи должника въ залогъ (*legis actio per pignoris capionem*), при чемъ это взятіе могло происходить въ отсутствіе судьи и даже самого должника.

4) Процессъ чрезъ объявленіе срока, когда отвѣтчикъ долженъ явиться для полученія судьи (*legis actio per condictionem*), — форма для исковъ *de certa pecunia* и *de alia certa re*.

5) Процессъ черезъ закладъ извѣстной суммы обоими тяжущимися, и истцомъ и отвѣтчикомъ. Это была довольно распространенная процессуальная форма. Въ форму этого *legis actio* облекались и иски изъ обязательствъ, и процессы о такъ называемыхъ сервитутахъ (напр. о правѣ прохода черезъ чужое владѣніе). Но настоящей сферой разсматриваемаго *legis actio* былъ искъ о собственности, при чемъ необходимымъ условіемъ процесса была наличность самой спорной вещи. Въ этой же формѣ разрѣшался споръ о принадлежности раба тому или другому господину, ибо рабъ для римскаго законодательства, какъ извѣстно, былъ тоже вещью (*res*).

Дѣло происходило такъ. Истецъ накладывалъ на раба палку (*vindictam*) и произносилъ: „я утверждаю, согласно приводимымъ мною обстоятельствамъ, что этотъ человѣкъ принадлежитъ мнѣ по квинитскому праву; какъ я сказалъ, вотъ я и накладываю палку“. Послѣ того слѣдовало *contravindicatio* отвѣтчика, который повторялъ ту же процедуру.

Далѣе истецъ просилъ обосновать претензію: „требую, не

скажешь ли, по какой причинѣ ты объявилъ притязаніе?“ Отъ этого отвѣтчикъ могъ отказаться, ограничившись словами: „я поступилъ по праву, налагая палку“. Тогда истецъ (*qui prior vindicaverat*), говорилъ: „такъ какъ ты несправедливо объявилъ притязаніе, я предлагаю тебѣ внести залогъ въ столько то ассовъ“,—на что *adversarius* отвѣчалъ: „и я тебѣ“.

Этотъ моментъ назывался *provocatio sacramento* (предложеніе внести залогъ), а весь описанный процессъ именовался *Legis actio per sacramentum* (см. описаніе этого процесса у Гая 4, 16).

Вотъ передъ нами юридическая обстановка употребленія термина *sacramentum* въ ея существенныхъ подробностяхъ. Здѣсь этимъ терминомъ обозначался денежный залогъ, который вносился обоими тяжущимися. Со внесеніемъ этого залога начиналось судебное разбирательство и выигравшій процессъ получалъ свой *sacramentum* обратно, проигравшій же терялъ его.

Legis actio per sacramentum въ томъ видѣ, въ какомъ оно описывается у римскихъ юристовъ эпохи Антониновъ, происходило въ свѣтскомъ судѣ предъ преторомъ и залогъ доставался государственной казнѣ (*in publicum cedebat*, у Гая 4, 16). Изъ этого описанія совершенно не видно, почему денежный залогъ назывался *sacramentum*. Это заставляетъ предположить, что въ юридической сферѣ слово *sacramentum* ко временамъ Антониновъ было уже пережиткомъ старины, что первоначально его окружала иная юридическая обстановка ¹⁾. И дѣйствительно, есть намеки на то, что *legis actio per sacramentum* въ теченіе вѣковъ подверглось нѣкоторымъ трансформациямъ. Первоначально это была форма судопроизводства предъ духовнымъ жреческимъ судомъ, судя по тому, что раньше залогъ поступалъ не въ государственную казну (*aerarium*), а въ кассу понтификовъ (*ad pontem*) у Варрона, I. I. 5, 180), въ центральную священную кассу (*arca pontificum*). *Legis actio per sacramentum* вышло изъ той древнѣйшей эпохи, когда духовнымъ лицамъ принадлежала еще широкая юрисдикція въ дѣлахъ гражданскихъ, когда sacer-

1) Daremberg et Saglio, Dictionnaire des antiquités. Paris. 1908. fascic. 41, p. 952 (подъ словомъ *sacramentum*).

dos былъ вмѣстѣ и *judex*. Самый залогъ первоначально вносился не деньгами, а натурой, въ видѣ жертвенныхъ животныхъ, которыя представлялись въ собственность боже-ству ¹⁾. Это было какъ бы компенсаціей боговъ за то, что жрецъ отрывался отъ служенія имъ и посвящалъ время судебному разбирательству ²⁾. Внесеніе залога, такимъ образомъ, первоначально являлось актомъ консекраціи, представленія въ распоряженіе боговъ извѣстной вещи. И римскіе писатели позднѣйшаго времени, для которыхъ юридическій терминъ *sacramentum* былъ уже пережиткомъ сѣдой старины, не упустили случая отмѣтить эту подробность *legis actio per sacramentum* въ его примитивной формѣ, чтобы объяснить наименованіе вносимаго залога—*sacramentum*. *Sacramenti nomine*,—говоритъ Фестъ,—*id aes dici coeptum est, quod... consumebatur in rebus divinis* (Fest. p. 347) ³⁾.

Была еще одна деталь въ примитивной обстановкѣ разсматриваемаго *legis actio*, которая еще болѣе проливаетъ свѣта на присутствіе въ юридической области термина съ такой этимологіей, какъ, *sacramentum*, и съ такимъ значеніемъ, какое было дано ему въ сферѣ военнаго дѣла. Эта деталь возобновляется изъ свидѣтельства того же Феста (p. 344), что „*sacramento dicitur quod jurisjurandi sacratione interposita actum est*“ ⁴⁾. Отсюда мы заключаемъ, что внесенію залога предшествовала торжественная клятва, содержащая въ себѣ подобно военному сакраменту, элементъ сакраціи ⁵⁾, *Legis actio per sacramentum* съ этой точки зрѣнія представлялось искомъ на основаніи сакраментальной клятвы, а залогъ, безвозвратно теряемый проигравшимъ процессъ, оказывался

¹⁾ Festus (p. 237) у Mommsen'a, *Römische Staatsrecht*. Zweiter Band, 1 Abtheil. Lpz. 1877, s. 66. Ср. Mommsen, *Römische Strafrecht*, 1899, Lpz. S. 1024.

²⁾ Иерингъ, *Духъ римскаго права*. СПб. 1875 г., стр. 258.

³⁾ Ср. также слова Варрона, знаменитаго римскаго филолога: *Ea pecunia quae in iudicium venit in litibus, sacramentum a sacro; qui petebat et qui infitiabatur, de aliis rebus turique quingenos aëris ad pontem deponabant... qui iudicio vicerat, suum sacramentum e sacro auferebat, victi ad aerarium redibat* (De lingua lat. 5, 180).

⁴⁾ См. у Иеринга, *Духъ римскаго права*, стр. 262.

⁵⁾ Daremberg et Saglio, *Dictionnaire des antiquités*, подъ словомъ *sacramentum*:—Ce mot ne peut être qu'une survivance d'une époque où cette action de la loi exigeait un serment accompagné d'une *sacratio*.

орудіемъ наказанія, за ложную клятву, все равно какъ и военный сакраментъ, — лагерная клятва, обращавшаяся, въ случаѣ вѣроломства, на голову давшего ее.

Итакъ, предъ нами нѣсколько раскрываются пути семасіологическаго движенія термина *sacramentum*. Было нѣкоторое *tertium*, сближавшее военный сакраментъ съ юридическимъ, и это *tertium* заключалось въ *sacratio jurisjurandi*. Возможно, что первоначально терминъ *sacramentum* прилагался непосредственно лишь къ клятвѣ, даваемой тяжущимся, а затѣмъ это названіе было перенесено по смежности на моментъ, неразрывно связанный съ клятвой, именно внесеніе залога, имѣвшее, подобно клятвѣ, связующее, скрѣпляющее значеніе. Такимъ образомъ, въ военномъ употребленіи сохранилось въ большей чистотѣ первичное, неспециализированное еще значеніе (*Urbedeutung*) термина *sacramentum*. Оно сначала, очевидно, было обще для обѣихъ сферъ, военной и юридической, а потомъ расщепилось на отдѣльныя самостоятельныя и техническія значенія, по мѣрѣ расхожденія по разнымъ областямъ, изъ которыхъ каждая влагала свой спеціальнѣйшій смыслъ въ широкое первичное значеніе (*id quod sacrat*). Возвратимся однако къ юридическому сакраменту. Съ теченіемъ времени *legis actio per sacramentum*, утратило много деталей, связывавшихъ его съ религіею, и приобрѣло свѣтскій характеръ. Мѣсто судіи-жреца заступилъ свѣтскій чиновникъ, преторъ, а денежный залогъ (*summa sacramenti*) направлялся въ государственную казну, а не въ кассу понтификовъ. Вмѣстѣ съ этимъ процессомъ секуляризаціи данной формы судопроизводства, стала постепенно выходить изъ употребленія и клятва, заключающая въ себѣ *sacratio*: дѣло ограничивалось внесеніемъ денегъ. Съ выпаденіемъ указанной детали юридическаго процесса, терминъ *sacramentum* сталъ исключительно служить для обозначенія денежнаго залога, который игралъ такую же роль, какъ и клятва, и на который перешла, такимъ образомъ, присущая ей связующая энергія.

Въ такомъ своемъ юридическомъ значеніи терминъ *sacramentum* дошелъ до позднихъ временъ, при чемъ въ живопи рѣчи онъ получилъ нѣкоторое семасіологическое расширеніе. Тутъ дѣйствовали тѣ же самые процессы, подъ вліяніемъ которыхъ военный терминъ *sacramentum* отъ значенія

клятвенной формулы расширился до значенія военной службы вообще. Семасіологическія измѣненія вращались около центрального значенія залога, заклада. Такъ какъ залогъ, вносимый тяжущимися, составляетъ необходимую принадлежность *legis actio per sacramentum*, его характеристическую особенность, то неудивительно, что существенная часть процесса стала обозначеніемъ цѣлаго и *sacramentum* получило значеніе самого иска, тяжбы, которая квалифицировалась то какъ *sacramentum iustum*, то какъ *sacramentum iniustum*,—тяжба справедливая или несправедливая ¹⁾. Такова была семасіологическая эволюція юридическаго термина *sacramentum*.

Оглядываясь снова на прошедшую предъ нашими глазами исторію семасіологическаго развитія термина *sacramentum* въ его языческомъ употребленіи, мы не можемъ не подивиться тому разнообразію значеній этого слова, какое развертывается здѣсь. А если мы къ исторіи языческаго употребленія даннаго термина присоединимъ еще исторію его христіанскаго употребленія, то наше удивленіе еще болѣе возрастаетъ. Въ высшей степени рѣдкостное явленіе представляетъ это прохожденіе одного и того же термина черезъ столь различныя сферы, какъ военная, юридическая и, наконецъ, теологическая.

Предъ нами однако еще стоитъ вопросъ: какимъ образомъ на почвѣ языческаго употребленія термина *sacramentum* могло возникнуть то значеніе, какое ему было придано въ христіанствѣ? Вѣдь слово „тайнство“ въ нашемъ и греческомъ смыслѣ (*μυστήριον*) вызываетъ прежде всего представленіе о чемъ то сокровенномъ, раціонально непостижимомъ. А между тѣмъ соотвѣтствующій нашему слову „тайнство“, богословскій латинскій терминъ *sacramentum* въ своемъ дохристіанскомъ употребленіи развертываетъ цѣлый рядъ значеній совершенно иного характера и свойства.

Чтобы объяснить, какъ изъ первоначальныхъ языческихъ значеній слова *sacramentum* выработался его теологическій

¹⁾ Такія выраженія особенно часто встрѣчаются у Цицерона. *Non posse nostrum sacramentum iustum iudicari* (Caec. 33, 97). *Non iniustis vindictis ac sacramentis alienos fundos petebat* (M. L. 27, 74). *Si decemviri sacramentum in libertatem iniustum iudicassent* (Cic. dom. 29). *Iusto sacramento contendere* (De orat. 1, 10, 42).

смысль, мы должны сдѣлать нѣкоторое отступленіе и нарисовать въ краткихъ чертахъ строй, укладъ римской жизни. Въ особенностяхъ этого строя, какъ они обозначились въ теченіи вѣковъ и какъ ихъ застало христіанство, поищемъ скрытыхъ путей семасіологическаго развитія даннаго термина ¹⁾.

VI.

Среди факторовъ, которые управляли исторіей Рима, ни одинъ такъ долго и такъ сильно не вліялъ на жизнь, какъ тотъ, который заключался въ военной дѣятельности. Римляне очень рано перешли отъ патриархально-земледѣльческаго и пастушескаго быта къ военно-гражданственному. Срединное положеніе ихъ въ отношеніи къ другимъ племенамъ Италіи заставило поневолѣ ихъ общину-государство (*civitas*) сложиться на боевой ладъ. Нужно было отстаивать сначала просто свою независимость и самостоятельное бытіе, а потомъ и свое господствующее положеніе среди народовъ Италіи. И изъ римлянина вышелъ такой воинъ и завоеватель, какого едва ли еще знала античная исторія. Постоянныя войны съ окружающими народами, непрерывные военные походы, въ родѣ знаменитыхъ цезаревыхъ экспедицій въ Испанію, Галлію, Британнію, Египеть, вотъ въ чемъ по преимуществу заключалась внѣшняя исторія римлянъ. *Ὁ πολέμιός ἐστιν*—*ὁ Ρωμαῖος εἶναι*,—не воевать, это значить не быть римляниномъ,—такъ говорилъ, по словамъ Діона Кассія, Юлій Цезарь солдатамъ, забунтовавшимъ изъ страха предъ Аріовистомъ и германцами ²⁾. Нельзя было лучше резюмировать воинственной духъ римскаго народа, и самъ Цезарь рисуется намъ, какъ типичнѣйшее воплощеніе этого духа.

Если мы отъ внѣшней исторіи римлянъ перенесемъ свое вниманіе на ихъ внутреннюю жизнь, то и тутъ мы увидимъ явственный отпечатокъ военнаго духа. Герингъ въ своей книгѣ: „Духъ римскаго права“ ³⁾ превосходно раскрываетъ,

¹⁾ Методъ культурно-историческаго объясненія семасіологическихъ факторовъ является вообще очень плодотворнымъ въ своихъ примѣненіяхъ. См. о немъ у Wundt'a, *Völkerpsychologie*, Lpzg 1900. B. I, Th. 2, S. 438 fg.

²⁾ См. у Оскара Вейзе, Опытъ характеристики латинскаго языка. Москва 1901 г. стр. 34.

³⁾ *Op. cit.* стр. 211 и далѣе.

какъ много военныхъ элементовъ заключалось въ государственной и правовой сферѣ у римлянъ. По его словамъ государственное устройство римлянъ было въ сущности военнымъ устройствомъ. Римлянинъ, можно сказать, не снималъ военныхъ доспѣховъ и въ мирное время, и миръ показывалъ въ народѣ то же войско только въ покоѣ (*in statu quiescentis*), какъ, въ свою очередь, война показывала народъ въ дѣятельности. Народное собраніе удерживало порядокъ войска: какъ армія дѣлилась на центурии ($\frac{1}{60}$ легіона), такъ и народъ при подачѣ голосовъ дѣлился на центурии (*milites centuriatim producti* и *populus centuriatim vocatus*). Какъ полководецъ, обращаясь съ рѣчью къ солдатамъ, называлъ ихъ *quiritēs*, такъ точно именовали гражданъ и римскіе ораторы, какъ будто они находились не на форумѣ, а на полѣ битвы, Войсковая повинность и право военной службы отождествлялось съ правомъ и долгомъ гражданина ¹⁾.

Суровая военная дисциплина проникала во всѣ стороны римской жизни, и Герингъ склоняется къ утверждению, что духъ юридика, присущій римскому народу, вытекалъ изъ духа военной дисциплины. По его мнѣнію, формы правовой жизни римлянъ, ихъ всевозможныя юридическія слѣлки, имѣють отпечатокъ военнаго дисциплинированія ²⁾.

Итакъ, римское государство, по всѣмъ указаннымъ чертамъ, похоже было на постоянный лагерь. Длительное и довольно напряженное военное состояніе, а также военная обстановка даже въ мирное время, не могли не вліять глубоко на психику каждой отдѣльной личности. Милитаризмъ проникалъ внутрь ея и окрашивалъ военнымъ колоритомъ всѣ душевные процессы. Имъ естественно опредѣлялся основной тонъ чувствъ, характеръ господствующихъ наклонностей. Его вліяніе распространялось на самую манеру мыслить, на способы воспріятія всего новаго и еще неизвѣстнаго. Въ самомъ дѣлѣ вѣдь передъ глазами римлянина вѣчно происходили военныя экзерциціи, смотры легіонамъ, военныя церемоніи разнаго рода, на Марсовомъ полѣ или еще гдѣ-либо, — гдѣ римскій народъ фигурировалъ, какъ *exercitus*.

¹⁾ Герингъ, Духъ римскаго права, стр. 213. Вейзе, Опытъ характеристики латинскаго языка, стр. 93.

²⁾ Герингъ, *ibid*, стр. 227.

Жизнь давала обильный запасъ внѣшнихъ стимуловъ, богатый комплексъ представлений, непрестанно обращающимъ мысль къ той или другой детали военного быта. Ассоціативная цѣпь умственныхъ образовъ складывалась преимущественно изъ военныхъ впечатлѣній. И вполне понятно, что теченіе представлений возбуждалось всего легче въ ту сторону.

Живая рѣчь, въ своихъ выраженіяхъ и оборотахъ, является всегда очень тонкимъ реактивомъ особенностей психическаго склада. *Sermo latinus* представляетъ тому наглядный примѣръ. У О. Вейзе собрано не мало образцовъ ходячихъ выраженій, пословицъ, запечатлѣнныхъ военнымъ колоритомъ¹⁾. Римляне, по его словамъ, постоянно вплетали въ свою рѣчь, какъ цвѣты, военныя выраженія²⁾. У поэтовъ римскихъ самыя лучшія, самыя красивыя метафоры взяты изъ военного обихода. И эти метафоры употребляются даже въ тѣхъ случаяхъ, когда рѣчь идетъ о самыхъ мирныхъ явленіяхъ природы. Лукрецій, напр., называетъ солнечныя лучи—„копьями“ (*lucida tela diei*, *Lucr.* 1, 148)³⁾. У Овидія (*Met.* 15, 192) солнечный дискъ именуется *clipeus dei* (щитъ божій). Люциферъ (утренняя звѣзда) въ поэтической фантазіи рисуется какъ караульный солдатъ: замыкая собою движеніе звѣздъ (*quarum agmina claudit Lucifer*), онъ послѣднимъ оставляетъ ввѣренный ему на небѣ постъ (*novissimus coeli statione exit*). У прозаическихъ писателей встрѣчаются не менѣ красивыя военныя сравненія. Варронъ начинаетъ свое сочиненіе „О земледѣліи“ такими словами: *Annus octogesimus admonet me ut sarcinas (sarcina—военный багажъ, солдатскій ранецъ) colligam, antequam proficiscar e vita* (у Вейзе, стр. 35).

Далѣе, мы наблюдаемъ, что предметы войны, оружія, самая война, понятіе нападать, убивать, ранить, имѣютъ, въ лат. языкѣ по нѣскольку названій, окружены массою сино-

1) Опытъ характеристики латинскаго языка, стр. 35. Тутъ приведены между прочимъ такія ходячія выраженія: *abjicere hastam, scutum*,—упасть духомъ;—*hastis trium nummorum causa sub falas subire*,—идти за пустяковъ подвергнуться опасности.

2) Вейзе, стр. 93.

3) Древній семитъ, проводившій кочевую жизнь и пасшій стада въ пустыняхъ, называлъ солнечныя лучи „рогами“ (евр. *keren* означаетъ и „рогъ“ и „лучъ“, ср. *Авв.* 3, 4).

нимовъ, служащихъ для обозначенія самыхъ тонкихъ оттѣн-ковъ и переходовъ въ понятіяхъ ¹⁾. Однимъ словомъ, военный языкъ римлянъ былъ наиболѣе разработаннымъ въ своихъ деталяхъ и лучше всего приспособленнымъ къ нюансировкѣ понятій.

Лукрецій въ своей философской поэмѣ „De rerum natura“ жаловался на *patrii sermonis egestas* (бѣдность рѣчи отцовъ,—Lucr. 3, 259), на *egestas linguae* (бѣдность языка,—Lucr. 1, 136) ²⁾. И это понятно: онъ здѣсь былъ удаленъ отъ привычной для римлянина военной стихіи. „Рѣчь отцовъ“ давала богатый лексиконъ военныхъ словъ, но никакъ не философскихъ. За этимъ нужно было обращаться къ грекамъ ³⁾. Жалобу Лукреція раздѣлялъ и другой римскій философъ Сенека, тоже говорившій о *verborum paupertas immo egestas* ⁴⁾.

Мы видѣли, какое сильное давленіе оказывалъ военный режимъ на общественную и частную жизнь римлянъ, а военный языкъ — на общую рѣчь, пестрѣвшую специальными военными терминами. Но сверхъ того имѣются данныя, указывающія на то, что военный языкъ римлянъ оказывалъ вліяніе на общій вокабуляръ не только латинскаго языка, но и туземныхъ языковъ различныхъ римскихъ провинцій, гдѣ квартировали римскіе легіоны. Среди немногихъ лати-

1) Всевозможныя *caedo, occido, interlicio, trucido, suffodio, obtrunco, jugulo, peco, ferro transago*,—явно свидѣтельствуютъ о томъ, какъ далеко ушелъ впередъ въ области военнаго языка, процессъ дифференцированія обозначеній, въ соотвѣтствіе съ высокой дифференцированностью военныхъ представленій и понятій.

2) *Nec me animi fallit Grajorum obscura reperta
difficile illustrare latinis versibus esse,
multa novis verbis praesertim cum sit agendum
propter egestatem linguae et rerum novitatem* (Lucr. 1, 136).
...rationem reddere aventem

abstrahit invitum patrii sermonis egestas (Lucr. 3, 259 sq).

3) *Nunc et Anaxagorae scrutemur homoeomeriam, quam Graji memorant
nec nostra dicere lingua concedit nobis patriae sermons egestas, ised tamen
ipsum rem facile est exponere verbis* (Lucr. 1, 830).

4) Ep. ad Luc. 58: *Quanta nobis verborum paupertas, immo egestas sit,
nunquam magis quam hodiernae die intellexi Milla res inviderunt, eum forte
de Platone loqueremur, quae nomina desiderarent nec haberunt quaedam
vero, cum habuissent, fastidio nostro perdidissent* И далѣе Сенека наглядно иллюстрируетъ „*angustias romanas*“ въ сферѣ философскаго языка, говоря о передачѣ по латыни такихъ терминовъ, какъ *τὸ ἄν, ἀσία*

низмовъ греческаго новозавѣтнаго языка по крайней мѣрѣ треть ихъ имѣеть отношеніе къ войнѣ и вообще къ военному обиходу ¹⁾. У Игнатія Богоносца есть посланіе къ Поликарпу, гдѣ (гл. 6-я) встрѣчается много латинизмовъ, принадлежащихъ къ категоріи военныхъ *termini technici*: *δεσέρτωρ* (*desertor*) *δεπόσιτα* (*deposita*), *ἀκκέπτα* (*accerta*). Объясняютъ это обстоятельство тѣмъ, что св. Игнатій писалъ это посланіе, когда ѣхалъ подъ конвоемъ римскихъ солдатъ на транспортѣ. Кругомъ него раздавалась римская рѣчь, пересыпанная *vocabula militaria*, изъ которыхъ многія и попали въ его посланіе ²⁾. Вотъ наглядная картина того, какъ вліялъ римскій военный языкъ даже на такой распространенный діалектъ, какъ греческій, бывший тогда языкомъ для интернаціональных сношеній. И когда ап. Павелъ въ извѣстномъ мѣстѣ изъ посланія къ Ефесянамъ (гл. 6-я) на греческомъ языкѣ *veluti magister*,—по выраженію Оригена,—*praesepit dat militibus Christi* ³⁾,—то, очевидно, онъ въ данномъ случаѣ приспособлялся къ господствовавшему *modus loquendi*, создавшемуся подъ сильнымъ вліяніемъ римскаго милитаризма, который царилъ одинаково какъ въ Римѣ, такъ и въ римскихъ провинціяхъ.

Предъ нами, такимъ образомъ, раскрывается очень яркая картина того, какое сильное давленіе оказывалъ военный режимъ на весь *orbis romanus*. Надо замѣтить, что среди элементовъ этой сложной организаціи военнаго дѣла у римлянъ нѣкоторые играли особенно важную роль. Къ такимъ именно элементамъ принадлежала военная институція, извѣстная подъ названіемъ *sacramentum*.

Она употреблялась въ военномъ обиходѣ очень часто. Въ древнюю пору, когда у римлянъ не было еще въ заводѣ держать настоящее войско, солдаты должны были давать клятву въ вѣрности всякій разъ, какъ были призываемы къ оружію. Во время имперіи *sacramentum* приносилось солдатами при каждой смѣнѣ верховныхъ правителей, принцип-

¹⁾ Напр. *λευγών*—*legio* (Мф. 26, 53), *κεντυριον* *centurio* (Мрк. 15, 39), *κοστοδία*—*custodia* (Мф. 27, 65), *σικάριος*—*sicarius* (Дѣян. 21, 38).

²⁾ Adolf Harnack. *Militia Christi*. Tübingen 1905. S. 20. Здѣсь же Harnack ссылается на Schürer'a въ подтвержденіе того, что и въ *еврейскій* языкъ тогдашней эпохи проникали военные *termini technici*.

³⁾ См. у Harnack'a, *op. cit.*, S. 27.

совъ. День восшествія ихъ на престолъ назывался *dies imperii*, какъ день полученія новымъ принцемомъ верховнаго *imperium* надъ государствомъ. Въ этотъ день и происходило принятіе присяги. Всѣ солдаты должны были клясться *in nomen ejus*, т. е. принцепа ¹⁾. Мало этого, военная присяга повторялась каждый годъ, когда праздновали годовщину вступленія на престолъ ²⁾. Ею ознаменовались январскія календы, т. е. день новаго года ³⁾. Мало по малу *sacramentum* изъ спеціально-военной институціи превратилось въ обще-государственную. По примѣру солдатъ стали принимать присягу на вѣрность принцу и императорскіе чиновники, которые, въ параллель *militia armata*, представляли изъ себя, такъ сказать, *militia civilis*. Поэтому то и государственная служба, подобно военной, называлась иногда терминомъ *sacramentum*. О гражданинѣ, призываемомъ къ какой-либо общественной должности, выражались, что онъ *ad sacramenta pervenit*. А о томъ, кто слагалъ съ себя возложенныя на него обязанности, говорили, что онъ *sacramenta deponit* ⁴⁾. Такъ шагъ за шагомъ, вмѣстѣ съ процессомъ проникновенія въ широкую общественную и государственную жизнь такой спеціально-военной институціи, какъ присяга, шло и семасіологическое развитіе термина *sacramentum*, иррадіація его смысла. Это слово стали употреблять въ обыденной жизни, примѣняя его къ клятвамъ, скрѣплявшимъ союзъ, дружбу или просто какія-либо общанія. Употребленіемъ этого именно, а не другого термина, желали, очевидно, подчеркнуть ненарушимость даваемой клятвы, потому что военный сакраментъ представлялся об-

¹⁾ Отсюда выраженія: *sacramentum Vitellii* (Tac. Hist. I, 70), *sacramentum Othonis* (Tac. ib. II, 6), *sacramentum Vespasiani* (Tac. ib. IV, 37).

²⁾ Tac. Ann. I, 8: *addebat Messala renovandum per annos sacramentum in nomen Tiberii*

³⁾ Tac. Hist. I, 55: *Germaniae legiones sollempni kalendarum januariarum sacramento pro Galba adactae*. Увеличеніе случаевъ примѣненія присяги въ военномъ быту наглядно отразилось на частотѣ употребленія термина *sacramentum* у римскихъ историковъ. Сравнительная статистика открываетъ прогрессивное увеличеніе числа случаевъ примѣненія по мѣрѣ перехода отъ раннихъ временъ къ позднѣйшимъ. У Цезаря данный терминъ встрѣчается очень рѣдко, у Ливія чаще, а у Тацита насчитывается до 50 случаевъ его употребленія (см. A. Gerber et A. Greef, *Lexicon Taciteum*. Lipsiae MCMIII, p. 1420. 1421).

⁴⁾ *Phin. Ep.* X, 52 у *Daremberg et Saglio*, *Dictionnaire des antiquités* подъ словомъ *sacramentum*.

разцомъ твердо хранимой клятвы. Горацій говоритъ, между прочимъ, своему другу и покровителю Меценату: non ego perfidum dixi sacramentum (Сарм. 2, 17, 10). Здѣсь эпитетомъ non perfidum дается намекъ на fides, какъ характерный признакъ военной клятвы. Употребленіе слова sacramentum въ широкомъ смыслѣ клятвы, скрѣпляющей различные союзы и ассоціаціи, особенно замѣтно у позднѣйшихъ римскихъ языческихъ писателей ¹⁾, такъ что можно сказать, что ко времени появленія христіанства этотъ техническій военный терминъ въ бытовой и частной жизни римлянъ былъ такъ же хорошо извѣстенъ и распространенъ какъ и въ военной.

Перейдемъ теперь изъ сферы языческой въ область христіанства.

VII.

Когда явилось въ міръ христіанство и основались въ разныхъ частяхъ великаго orbis romanus христіанскія общины, церковнымъ писателямъ предстояла трудная задача приспособить господствующій языкъ для совершенно новыхъ для него понятій, идей, отношеній. Какъ же они справлялись съ этой задачей?

Если мы обратимъ вниманіе на латинскіе переводы Библии, особенно Новаго Завѣта, то увидимъ, что для нѣкоторыхъ внесенныхъ новою религіей понятій, латинскіе переводчики, очевидно, не находили подходящихъ выраженій и прибѣгали просто къ транскрибированію греческихъ словъ оригинала латинскими буквами. Такъ получились слова: euangelium, baptisma, martyr, martyrium и др. Но въ другихъ случаяхъ церковные писатели пытались передавать новыя понятія и идеи своими латинскими терминами, давая старымъ словамъ новыя семасіологическія функціи ²⁾. Эти попытки созданія самостоятельной латинской богословской терминологіи заслуживаютъ большаго вниманія со стороны

¹⁾ Petron. Satiricon 80: amicitiae sacramentum delevi. Apul. Met. 2 p. 140, 31: si quod inesset mutis animalibus tacitum ac naturale sacramentum. См. еще цитаты у Klotz, Handwörterbuch der lateinischen Sprache. Braunschweig 1858 B. 2 p. 1205 (sacramentum).

²⁾ Wundt, Völkerpsychologie, B. 1 Th 2, 3 439: „das Christenthum nicht sowohl Wörter geschaffen, als die Bedeutungen vorhandener Wörter durch die mit den Begriffen verbundenen religiösen Vorstellungen verändert“.

ученныхъ изслѣдователей, и въ этомъ направленіи сдѣланы были уже очень любопытныя наблюденія извѣстнымъ нѣмецкимъ церковнымъ историкомъ А. Гарнакомъ ¹⁾. Изучая древне-христіанскую литературу, онъ отмѣтилъ, между прочимъ, ту особенность, что образъ выраженія у церковныхъ писателей, особенно западныхъ латинскихъ, носить совершенно милитаристическій характеръ. Выраженія, взятая изъ военнаго быта, буквально пестрятъ на страницахъ сочиненій Тертуллиана, Кипріана и другихъ латинскихъ писателей, съ именами которыхъ связывается великое дѣло приспособленія римскаго идиома къ христіанскому содержанію,—выработка латинскаго богословскаго языка. Возьмемъ ли мы такъ называемыя увѣщанія (cohortationes) къ мученичеству, или догматическія разсужденія, или частныя письма (epistolae) нравственно практическаго содержанія, — вездѣ мы наталкиваемся на военную терминологию. Христіане постоянно именуются *milites Christi* ²⁾, они составляютъ Христову милицію ³⁾. Они призываются къ духовной и небесной борьбѣ (certamen), къ сраженію (proelium) ⁴⁾. Церковь называется *castra Domini* ⁵⁾, Христосъ—*princeps militiae* ⁶⁾, мученики это—воины высшаго ранга. Они — передовые въ небесной милиціи ⁷⁾, *antesignani* (— тѣ, которые стоятъ передъ самымъ знаменемъ) ⁸⁾.

Цѣлыя картины рисуются на военный ладъ. Исповѣдники (*confessores*), выдержавшіе во время гоненій огненное испытаніе

¹⁾ Ad. Harnack, *Militia Christi*. Tübingen 1905. См. также у Erns Lucius, *Die Anfänge des heiligen Kultus in der christlichen Kirche*. Tübingen 1904. S. 46. 47.

²⁾ Cypr. ad Fortun.: *milites Christi ad spirituale et coeleste certamen*, Cypr. Ep. 58, 3: *quando persecutiones fiunt, tunc dantur coronae fidei, tunc probantur milites Dei*.

³⁾ Tert, ad martyr. 3: *vocati sumus ad militiam Dei vivi*.

⁴⁾ Cypr. ad Fortun. Tert. Apol. 50: *proelium est nobis quod provocatmur ad tribunalia*.

⁵⁾ Orig. Hom. in Jesu Nave 7 t. II p. 64. Cp. у Tert. de idol. 19: *castra lucis*.

⁶⁾ Orig. in Judic. hom. 9: *princeps militiae nostrae dominus et salvator noster Jesus Christus*.

⁷⁾ Cypr. Ep. 28, 1: *vos primores et duces ad nostri temporis proelium facti coelestis militiae signa movistis*.

⁸⁾ Cypr. Ep. 39, 2: *hic ad temporis nostri proelium primus, hic inter Christi milites antesignanus*.

ние и вернушіеся послѣ этого слова въ церковную среду, изображаются какъ воины, которые только что возвратились изъ похода ¹⁾. Акты нѣкоторыхъ мучениковъ, вмѣсто обычнаго названія *passio* (*passio Perpetuae, Montani, Quirini* и т. д.), имѣютъ наименованіе *certamen* (*certamen Leonis*).

Древне-латинскій африканскій переводъ Библии (т. наз. *Afra*), насколько о немъ можно судить по цитатамъ Тертуллиана, изобиловалъ техническими военными терминами ²⁾. Извѣстное евангельское изреченіе о „бремени легкомъ“ передано тамъ, при посредствѣ военнаго *terminus technicus*, именно *sarcina* — солдатскій ранецъ: *levem sarcinam Domini* (Мѣ. 11, 30 у Терт. *de monog.* 2). Греческое *προεβότερος* (Сир. 25, 7. 27) переводится черезъ *veteranus* (старый заслуженный солдатъ). Извѣстныя слова ап. Павла: „награда за грѣхъ—смерть, даръ же Божій—жизнь вѣчная“,—переведены такъ: *stipendia delinquentiae mors, donativum autem Dei vita* (Римл. 6, 23 у Терт. *de resurr.* 47). Здѣсь въ одной фразѣ сразу два военныхъ *termini technici*, именно, *stipendium* (обычное жалованіе солдатъ) и *donativum* (экстраординарная денежная награда отъ полководца или императора ³⁾),

Относительно названія христіанскихъ постовъ — *stationes, vigilia*, Тертуллианъ прямо говоритъ, что это *de militari exemplo nomen accepit* (*De orat.* 19). Указанными терминами въ военномъ быту назывались ночные караулы, пикеты, и эти названія настолько твердо укрѣпились, что напр. слово *statio* употребляютъ и греческіе церковные писатели, оставляя его

¹⁾ *Cypr. de lapsis* 2: *quam vos laeto sinu excipit mater ecclesia de proelio revertentes! quam beata, quam gaudens portas suos aperit, ut adunatis agminibus intretis de hoste prostrato trophaea referentes!*

²⁾ Это—обычная вещь, что библейскіе переводы и толкованія св. Писанія въ языкѣ своемъ и, въ частности, въ лексикѣ сохраняютъ слѣды того культурно-историческаго момента, къ которому приурочивается ихъ происхожденіе. Наши древне-славянскіе переводы и толкованія Библии тоже носятъ слѣды, отпечатки культурно-историческихъ условій. Такъ въ одномъ толкованіи на посланіе ап. Павла, содержащемся въ рукописи 1220 г., слѣдовательно изъ удѣльной эпохи, изъ періода княжескихъ усобицъ, встрѣчаются такіа характерныя для древне-русскаго быта слова, какъ вѣче, мятежъ усобиный, страда, оземьствованіе, меньшина. См. проф. Г. Воскресенскій, Древній славянскій переводъ Апостола. Москва 1879, стр. 66.

³⁾ Черезъ сопоставленіе *donativum* со *stipendia* прекрасно отгѣняется преизобильность благодати, ибо *donativum* это *duplex stipendium* (Тас. *Hist.* IV, 19).

безъ перевода и только передавая въ греческой транскрипціи ¹⁾).

Мы видимъ, такимъ образомъ, что почти всѣ христіанскія отношенія у церковныхъ писателей рисуются по аналогіи съ военнымъ строемъ и бытомъ, и эта аналогія проводится такъ далеко, что даже дары Св. Духа (*χαρίσματα*) называются (у Тертулліана) специальнымъ римскимъ военнымъ терминомъ *donativa* ²⁾. Если мы не забудемъ еще при этомъ, что у латинскихъ церковныхъ писателей крестъ Христовъ называется специальнымъ военнымъ терминомъ *vexillum* (знамя, штандартъ) ³⁾, то для насъ уже не будетъ казаться удивительнымъ появленіе въ сферѣ латинскаго богословскаго языка термина съ такой семасіологіей, какую имѣло у латинскихъ языческихъ писателей *sacramentum*. Съ точки зрѣнія тогдашней *ecclesiastica loquendi consuetudo* ⁴⁾ для употребленія его въ богословскомъ языкѣ не встрѣчалось препятствій, а объективныя, историческія вліянія положительно наклоняли къ переходу его въ сферу христіанства.

Въ самомъ дѣлѣ почва для перехода даннаго термина въ христіанскую область была уже хорошо подготовлена въ языческомъ его употребленіи. Будучи, можно сказать, центральнымъ и основнымъ терминомъ римскаго военнаго языка, слово *sacramentum* постоянно употреблялось въ устной рѣчи и въ литературныхъ произведеніяхъ. Его часто повторяли римскіе писатели, особенно историки. Его часто упоминали римскія власти при допросѣ воиновъ—христіанъ, какъ объ этомъ можно судить по мученическимъ актамъ ⁵⁾. Наконецъ, это слово часто слышалось и въ обычной рѣчи, потому что, какъ мы уже упоминали, оно ко времени появленія христіанства успѣло выйти изъ узкихъ рамокъ чисто военнаго

¹⁾ Herm., Simil V, 1: *στατήριον ἔχω, τί, τίςτιν ἐστὶ στατήριον; ἡγορεύω φημι, χίριε.*

²⁾ Ср. еще употребленіе термина *donativa*, въ смыслѣ харизматическихъ дарованій, въ *Passio Perpetuae* I.

³⁾ Fert. de cor. II: *vexillum portavit aemulum Christi*. См. еще цитаты у Harnack'a, *Militia Christi*.

⁴⁾ Выраженіе Августина въ *De civit. Dei* X, 21: *hos multo elegantius, si ecclesiastica loquendi consuetudo poteretur, nostras heroas vocaremus.*

⁵⁾ *Acta Maximilian*. 3: *eo quod indevoto animo sacramentum militiae recusavit*. *Acta Marcelli* 5: *qui abjecto publice sacramento*. См. у Harnack'a *op. cit.*

употребленія и проникнуть въ широкую сферу общественной и частной жизни, въ общемъ значеніи клятвы. Всѣмъ этимъ уже облегчался переходъ даннаго термина въ новую сферу,—христіанскую. Но были, кромѣ того, пункты особенно близкаго придвиженія къ христіанской сферѣ.

У позднѣйшихъ римскихъ писателей уже была склонность употреблять слово *sacramentum* въ значеніи клятвы, скрѣпляющей дружественныя союзы и вообще ассоціаціи. Организованные союзы и ассоціаціи носили у римлянъ названіе коллегій, и первоначально христіанскіе кружки разсматривались ими именно, какъ особый видъ коллегій. Это видно, между прочимъ, изъ извѣстнаго письма Плінія Младшаго къ Траяну о христіанахъ, гдѣ онъ подводитъ христіанскія общины подъ категоріи такъ называемыхъ *haereticarum* (гетерій), т. е. столовыхъ обществъ, и констатируетъ присутствіе въ нихъ связующей клятвы, этой обычной принадлежности коллегій-союзовъ. Пліній говоритъ, что христіане „связываютъ себя клятвой не на какое-нибудь преступленіе, а чтобы не воровать, не прелюбодѣйствовать“ ¹⁾. Въ этомъ мѣстѣ понятіе клятвы передано знакомымъ намъ терминомъ *sacramentum*, въ характерномъ для него сочетаніи съ глаголомъ *obstringere*. Здѣсь языческій терминъ, можно сказать, вплотную придвигается къ христіанской сферѣ. Языческіе писатели, какъ видимъ на примѣрѣ Плінія Младшаго, дали починъ къ приложенію его въ отношеніи къ христіанству, а въ христіанствѣ самый языкъ церковныхъ писателей (по лексическому строю и по утвердившемуся *modus loquendi*) уже былъ подготовленъ къ принятію въ свое лоно римскаго военнаго термина.

Такимъ образомъ, на обѣихъ противолечащихъ пунктахъ, на сторонѣ язычества и христіанства, были на лицо сближающія тенденціи. При этихъ то вдвойнѣ благопріятныхъ условіяхъ, очевидно, совершилось перенесеніе слово *sacramentum* въ сферу христіанства. Почему же въ этой сферѣ данный терминъ былъ примѣненъ не къ чему либо другому, а именно къ понятію таинства? Какія психологическія ассоціаціи направляли мысль отъ понятія военной при-

¹⁾ Plin. 10, ep. 97: se sacramento non in scelus aliquot obstringere, sed ne furta, ne adulteria committerent.

сяги къ понятію таинства церковнаго? Въ названіи церковныхъ таинствъ терминомъ sacramentum проявилась естественная психологическая тенденція давать каждому новому предмету имя той изъ знакомыхъ уже вещей, которая всего легче вспоминается при видѣ этого новаго предмета, или, говоря иначе, которая, при бѣгломъ взглядѣ, кажется болѣе на него похожей.

Когда христіанскій писатель, положимъ Тертуллианъ, который, кстати сказать, былъ сынъ центуріона (centurio prosopularis) и, слѣдовательно, хорошо знакомъ съ военнымъ строемъ, называлъ церковное таинство, въ частности крещеніе, словомъ sacramentum, то его уму, очевидно, предносилась церемонія военной присяги. Въ самомъ дѣлѣ, сколько тутъ сходныхъ деталей. Тамъ легионеръ, здѣсь—miles Christi, тамъ signa militaria (военныя знамена), здѣсь—vexillum Christi (крестъ Христовъ). Тамъ клятва и обѣты вѣрности вождю, здѣсь то же самое, въ видѣ символа вѣры. И какъ черезъ военную присягу только римлянинъ становился дѣйствительнымъ miles, а до того онъ былъ лишь paganus, такъ именно черезъ крещеніе, по словамъ Тертуллиана, человекъ становится miles Christi ¹⁾. Въ связи съ этимъ создавался еще новый пунктъ сходства римскаго военнаго sacramentum съ христіанскимъ таинствомъ крещенія. Дѣло въ томъ, что у римлянъ, въ виду все болѣе и болѣе увеличивавшагося числа варваровъ въ составѣ римскихъ легионовъ, вошло въ обычай при приѣмѣ въ войско давать новое имя (nomen dare). Новый miles, для совершеннаго выдѣленія изъ своей прежней среды, обыкновенно принималъ латинское имя вмѣсто варварскаго ²⁾. Точно также и у христіанъ было въ обычай при крещеніи давать новое имя для ознаменованія полнаго выдѣленія изъ среды язычества.

Такимъ образомъ, для аналогизированія въ указанномъ направленіи открывались широкія перспективы. Многочисленность параллелей побуждала назвать новую вещь знакомымъ каждому римлянину терминомъ sacramentum. Новое явленіе апперцепировано было подъ привычнымъ угломъ зрѣнія и

¹⁾ Tert. de cor. II: apud Christum tam miles est paganus fidelis, quam paganus est miles fidelis. См. у Harnack'a op. cit. S. 42.

²⁾ Harnack, Militia Christi, S. 35.

зафиксировано въ языкѣ милитарнымъ терминомъ. Тутъ повторилось то же самое, что приходится наблюдать вообще при всякомъ болѣе или менѣе рѣзкомъ культурно-историческомъ переломѣ: воспріятіе и усвоеніе новаго содержанія происходитъ при посредствѣ терминовъ, унаслѣдованныхъ отъ предшествующаго культурно-историческаго теченія. Языкъ, въ своей лексической части, является въ этомъ случаѣ очень вѣрнымъ оразителемъ послѣдовательной смѣны культурно-историческихъ періодовъ. Каждая стадія исторической жизни создаетъ соотвѣтствующій запасъ словъ, хранящихъ отзвуки тѣхъ впечатлѣній, которыя производила на человѣка окружающая культурная обстановка ¹⁾. И этотъ запасъ словъ достается въ качествѣ наслѣдства послѣдующей стадіи, причемъ слова въ новой культурной обстановкѣ осѣдаютъ на такихъ предметахъ, которые имѣютъ часто лишь отдаленную связь съ предметами, прежде обозначаемыми этими словами, происходитъ, иначе говоря, рѣзкій семасіологическій сдвигъ.

Между прочимъ, въ латинскомъ лексиконѣ сохранилось немало словъ, ведущихъ свое происхожденіе изъ того періода, когда римляне были еще по преимуществу пастухами и пахарями, вели пастушеско-земледѣльческій образъ жизни. Какъ извѣстно, этотъ періодъ, который для римлянъ позднѣйшихъ вѣковъ представлялся золотымъ вѣкомъ Сатурна, очень скоро замѣнился „вѣкомъ желѣзнымъ“, когда римская жизнь начала настраиваться на военный ладъ и римлянинъ смѣнилъ соху на мечъ. И вотъ, съ переходомъ въ новую фазу, многія слова, запечатлѣнные сельскимъ, земледѣльческимъ колоритомъ, измѣнили его на военный, сохранивъ однако въ неизмѣнности свой звуковой составъ. И то, что ранѣе, положимъ, служило для обозначенія загородки для домашняго скота (*cohors*), то потомъ стало означать войсковое дѣленіе на когорты ($\frac{1}{10}$ легіона), а то, что прежде означало просто снопь (*manipulus*, собств. то количество зернового хлѣба, которое можно захватить рукой), превратилось въ наименованіе тридцатой части легіона ²⁾.

Въ свою очередь, когда въ нѣдрахъ римскаго государства, развившаго уже до максимума военную организацію, заро-

1) Момзенъ, Римская исторія, т. 1-й, стр. 14.

2) W. Wundt, Völkerpsychologie. Lpzg 1900. B. 1 Th. 2, S. 435.

дилось и начало распространяться христіанство, многіе терминны, носившіе военный колоритъ, стали получать христіанскую окраску, и самымъ нагляднымъ примѣромъ тому является слово *sacramentum*.

На исторіи слова *sacramentum* мы имѣемъ возможность наблюдать одинъ изъ замѣчательныхъ случаевъ особенно рѣзкаго переноса (*translatio*) значенія слова изъ одной сферы въ совершенно другую. Всмотримся попристальнѣе въ этотъ процессъ перехода языческаго смысла въ христіанскій.

Первоначально военный терминъ *sacramentum* примѣнялся христіанскими писателями лишь къ таинству крещенія, при чемъ во всей силѣ сохранялось для ихъ сознанія его спеціальное, техническое значеніе военной присяги. Приведемъ въ подтвержденіе этого нѣсколько цитатъ. Тертуллианъ говоритъ, между прочимъ: *vocati sumus ad militam Dei vivi jam tunc, cum in sacramenti verba respondemus* (*ad mart.* 3). Здѣсь идетъ рѣчь о таинствѣ крещенія и, въ частности, о произносимыхъ при немъ обѣтахъ вѣрности, но въ то же время въ самомъ строѣ фразы содержится намекъ на церемонію военной присяги, когда *milites jurabant* или *respondebant in verba consulis*. Такое же построеніе мы имѣемъ у Тертуллиана и въ другомъ мѣстѣ, именно въ *De corona II*: *credimusne humanum sacramentum divino superduci licere, et in alium dominum respondere post Christum*.

Роль *tertium comparationis* между *humanum sacramentum* (военная присяга) и *divinum sacramentum* (таинство крещенія) играло понятіе клятвы, торжественнаго обѣщанія въ вѣрности ¹⁾, и самый терминъ *sacramentum* постоянно употреблялся у древне-христіанскихъ писателей въ связи съ другими военными терминами. Параллель между *sacramentum divinum* и *sacramentum humanum* стоитъ въ ряду такихъ параллелей, какъ *castra lucis* и *castra tenebrarum*, *signa Christi* и *signa dia-*

1) Отсюда Klotz и говоритъ въ въ своемъ *Handwörterbuch der lateinischen Sprache*, что *sacramentum* у церковныхъ писателей означало собственно „das von den Christen bei der Taufe abgelegte Bekenntniss zum Gehorsam gegen Christum. Въ этомъ случаѣ особенно характерны слова Тертуллиана (*Scorp.* 4): *Praescribitur mihi, ne quem alium deum dicam... jubeor deum de omni substantia diligere, ut pro eo moriar. Huic sacramento militans ab hostibus provocor...*

bolii ¹⁾. Повторяются буквально тѣ же самыя синтаксическія сочетанія, въ которыхъ слово *sacramentum* употреблялось у языческихъ писателей. Такъ Арнобій употребляетъ выраженіе: *fidem rumpere Christianam et salutaris militiae sacramenta deponere*, что напоминаетъ встрѣчающійся у Ливія (28, 27) оборотъ: *sacramenti religionem rumpere*. Кипріанъ говоритъ, между прочимъ, о *sacramentum ac devotio* христіанскаго воина (Ер. 10, а), что напоминаетъ фразу: *vos sacramento mihi devovistis* (Just. 14, 4, 7).

Во всѣхъ указанныхъ цитатахъ изъ церковныхъ писателей слово *sacramentum* встрѣчается еще въ обычной для него, въ его языческомъ употребленіи, обстановкѣ:—военный антуражъ (*arma, signa, castra*), привычныя синтаксическія сочетанія. Однако смыслъ его уже двойственный: съ одной стороны это—военная присяга, съ другой—таинство крещенія. Эта двойственность смысла—явный знакъ совершающагося семасіологическаго перехода, развитія новаго христіанскаго смысла изъ стараго языческаго, и приведенные цитаты, такъ сказать, наглядно демонстрируютъ этотъ процессъ перехода. Но пока слово *sacramentum* еще возбуждало мысль о двухъ серіяхъ параллельныхъ фактовъ (военная присяга и таинство церковное), до тѣхъ поръ новое зарождающееся значеніе было привязано къ старому.

Съ теченіемъ времени военный контекстъ понемногу уступилъ мѣсто чисто богословскому. Слово *sacramentum* стало вступать въ новыя синтаксическія сочетанія, въ которыхъ уже не было ничего напоминающаго о войнѣ и военныхъ церемоніяхъ. вмѣстѣ съ этимъ начало затемняться въ сознаніи и военное значеніе даннаго термина. Психологическій процессъ, бывшій подкладкой процесса семасіологическаго перехода, можно представить въ такомъ видѣ. Понятія военной присяги и таинства церковнаго были сближены въ силу ассоціаціи по сходству. Представленіе о военной присягѣ назовемъ предшествующимъ членомъ ассоціаціи, а представленіе о таинствѣ—послѣдующимъ членомъ. Посредствующимъ членомъ между ними было представленіе о клятвѣ,

¹⁾ Tert. de idolol. 19: non convenit sacramento divino et humano, signo Christi et signo diaboli, c: stris lucis et castris tenebrarum, non potest una anima duobus deberi.

объщаніи вѣрности. По мѣрѣ увеличенія ассоціацій не военнаго характера, предшествующій членъ не находилъ себѣ прочной опоры, оказывался, такъ сказать, совершенно одинокимъ, и началъ исчезать изъ сознанія, увлекая за собой и посредствующій членъ. Между тѣмъ послѣдующій членъ, поддержанный многочисленными ассоціативными связями съ однородными представленіями, прочно укрѣпился въ сознаніи, порвавъ связь съ ассоціаціями изъ военной сферы. Въ области семасіологии это сказалось тѣмъ, что терминъ *sacramentum* сталъ уже не переноснымъ, а прямымъ обозначеніемъ таинства церковнаго и, такимъ образомъ, созданъ новый центръ какъ для психологическихъ ассоціацій, такъ и для семасіологическихъ измѣненій. И теперь произнесеніе этого слова уже не вызываетъ военныхъ ассоціацій, тогда какъ для древнихъ церковныхъ писателей слово *sacramentum* сохраняло всю прозрачность своего технического военнаго значенія ¹⁾.

Вотъ какимъ путемъ, можно думать, произошло въ словѣ *sacramentum* рѣзкое семасіологическое измѣненіе,—переходъ отъ значенія военной присяги къ значенію таинства церковнаго. Мы видимъ, что новое значеніе, введенное въ терминъ христіанствомъ, постепенно развилось изъ стараго, языческаго, и моменты этого семасіологическаго перехода отпечатлѣлись на употребленіи даннаго термина у древне-христіанскихъ писателей.

Вступивши въ новую стадію семасіологическаго развитія, слово *sacramentum* и здѣсь оказалось столь же плодовитымъ въ своихъ значеніяхъ, какъ и на предшествующихъ ступеняхъ. Около новаго семасіологическаго центра возникли вторичныя значенія. Терминъ то сѣуживался до значенія одного какого нибудь таинства, напр. крещенія или причащенія, то расширялся до значенія вообще таинства церковнаго и даже просто религіозной тайны. Въ своемъ богословскомъ значеніи оно перешло и въ новые языки, образовавшіеся

¹⁾ Harnack (*Militia Christi* S. 6), утверждаетъ, что въ римско-католическомъ катихизисѣ сохранена память о первоначальномъ военномъ смыслѣ термина *sacramentum*, и приводитъ въ доказательство этого слѣдующія слова: *qui baptisatus est, cum ab episcopo sacro chrismate ungitur... novae virtutis robore firmior atque adeo perfectus miles esse incipit.*

подъ вліяніемъ латинскаго или же заимствовавшіе изъ него многія слова ¹⁾. Между прочимъ въ итальянскомъ *il sacramento* уцѣлѣло и языческое значеніе клятвы, присяги, наряду съ христіанскимъ смысломъ таинства ²⁾.

Итакъ, римское названіе таинства *sacramentum* ни по своему этимологическому смыслу, ни по употребленію у римскихъ классическихъ писателей, не эквивалентно греческому *μυστήριον*. Ужъ если искать послѣднему эквивалента въ латинскомъ языкѣ, то понятіе таинства слѣдовало бы передать по латыни—выраженіемъ *arsana sacra* ³⁾.

Церковныя писатели однако предпочли выбрать другой терминъ, болѣе говорящій римскому уму,—римскій не только по звуку, но и по возбуждаемымъ имъ ассоціаціямъ. И выборъ ихъ былъ какъ нельзя болѣе удаченъ. Взято было слово съ необыкновенно богатымъ психическимъ тембромъ и при томъ такимъ тембромъ, въ составъ котораго входили какъ разъ тѣ самыя мысли и чувства, какія пробуждали въ христіанахъ таинства Новаго Завѣта. Военный сакраментъ у римлянъ былъ ассоціированъ съ эмоціями самаго возвышеннаго характера. Онъ напоминалъ римскимъ воинамъ и о *fides*, и о *devotio*, и о *reverentia* ⁴⁾. Такія же эмоціи вызывалъ въ каждомъ христіанинѣ и *sacramentum divinum*. И какъ для римскихъ воиновъ звучали слова ихъ вождя, что они „*eiusdem sacramenti, eiusdem imperatoris milites*“ (Tac. Hist. IV, 46), такъ точно и для вѣрующихъ звучали слова апостола, что у нихъ „*unus Dominus, una fides, unum baptisma*“ (Eph. IV, 5).

Таковы были семасіологическія судьбы термина *sacramentum*,—многосложная исторія его употребленія и въ римскомъ военномъ лагерѣ, и въ римской юридической практикѣ, и въ средѣ церкви христіанской. Латинскій *Sprachschatz* хранитъ въ себѣ не мало словъ, которыя, подобно *sacramentum*,

¹⁾ Франц. *le sacrement*, итальянск. *il sacramento*, англ. *the sacrament*, вѣм. *das Sacrament*.

²⁾ Точно также и въ англ. *sacramental*—относящійся къ таинству: клятвенный.

³⁾ Это выраженіе встрѣчается у римскихъ писателей въ приложеніи къ греческимъ мистеріямъ, къ таинствамъ Вакха.

⁴⁾ Вотъ нѣсколько цитатъ, показывающихъ, какимъ эмоціональнымъ тембромъ обладало слово *sacramentum*. Tac. Hist. I, 12: *sacramenti reverentia*. Curt. 7, 1, 29: *sacramentum pietatis*. Liv. 28, 27: *sacramenti religio*

скрываютъ за собою широкія историко-психологическія перспективы, да и вообще міръ словъ съ ихъ своеобразной жизнью даетъ много матеріала для исторіи и психологіи. „Die Bedeutungsgeschichte ist ein Stück Geistesgeschichte“ ³⁾, и потому лексикально-семасіологическія изслѣдованія всегда имѣютъ большой интересъ и положительную цѣнность.

С. Знаменскій.

¹⁾ Wundt, Völkerpsychologie, B 1, Th 2, P. 438.